

Александръ Амфитеатровъ

(Old Gentleman)

ГРЕЗЫ и ТѢНИ.

(КНИГА ЛЕГЕНДЪ).

Дозволено цензурою. Москва, 7 февраля 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.	2
ОТЪ АВТОРА.....	3
МЕРТВЫЕ БОГИ. Тосканская легенда.	4
ИЗМѢНА. Сицилійская легенда.....	13
АГАСФЕРЪ.....	16
ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ НАБРОСКОВЪ. АРИМАНЪ.....	22
СИОНЪ.....	26
КОНОКРАДЫ.	30
ДУБОВИЧИ. Карпатская сказка.....	34
ЗОЛОТАЯ ПЛАНЕТА. Легенда острова Корфу.	38
СТАТУЯ СНА.	41
ЗОЭ. Элегія.....	46
КИММЕРІЙСКАЯ БОЛѢЗНЬ.....	51
БОЛОТНАЯ ЦАРИЦА. Сказка итальянской мареммы.....	60
ТѢНИ НОЧИ. Молдавская легенда.	63
ПОЛЬСКАЯ ЛЕГЕНДА. О изваяніи Христа въ Браиловѣ.....	65

ОТЪ АВТОРА.

Основы легендъ, включенныхъ, въ эту книжку, слышаны и записаны мною въ разныхъ моихъ скитаніяхъ по свѣту. Интересовали меня, преимущественно, тѣ народныя вѣрованія и преданія, въ которыхъ звучать пантенстическія и гуманистическія нотки.

Кромѣ легендъ, я ввелъ въ книжку два-три разсказа, обыкновенно называемыхъ, по неправильной традиціи, фантастическими. Фантастическаго, однако, въ нихъ ровно ничего нѣтъ. Это просто попытки иллюстрировать нѣкоторыя явленія изъ области психопатологіи. Таковъ, напримѣръ, отрывокъ "Кимерійская болѣзнь", написанная мною подъ живымъ впечатленіемъ одного наблюденія Крафтъ-Эбинга.

Помѣщенные въ настоящемъ изданіи разсказы и легенды печатались предварительно въ "Историческомъ вѣстникѣ", "Всемирной Иллюстраціи", "Сѣверъ". Я перепечатаваю ихъ безъ всякихъ измѣненій.

Александръ Амфитеатровъ.

Москва. 96 X.6.

МЕРТВЫЕ БОГИ. Тосканская легенда.

(А.М-г Mounet-Sully).

На небѣ стояла хвостатая звѣзда. Кровавый блескъ ея огромнаго ядра спорилъ со свѣтомъ луны, и набожныя люди, съ трепетомъ встрѣчая ея еженочное появленіе, ждали отъ нея большихъ бѣдъ христіанскому міру. Когда комета въ урочный часъ медленно поднималась надъ горизонтомъ, влача за собой длиннымъ хвостомъ круглый столбъ краснаго тумана, въ ея мощномъ движеніи было нѣчто сверхъестественно грозное. Казалось, будто въ синій просторъ Божьяго міра ползетъ изъ первобытнаго мрака свирѣпый царь его, огненный драконъ Апокалипсиса, готовый пожрать мѣсяцъ и звѣзды и раздавить землю обломками небеснаго свода. Комета смущала воображеніе не только людей, но и животныхъ: сторожевые псы были по цѣлымъ ночамъ, съ тоскливымъ испугомъ вглядываясь въ нависшій надъ землею пламенный мечъ и словно пытая: правду ли говорятъ ихъ хозяева о чудномъ явленіи? точно ли оно — предвѣстникъ близкой кончины міра? Свѣтопреставленія ждала вся Европа; булла папы и эдикты королей приглашали вѣрующихъ къ молитвѣ, посту и покаянію, ибо наступающій годъ, послѣдній въ первомъ тысячелѣтіи по Рождествѣ Христовомъ, долженъ былъ, по предположенію астрологовъ, быть и послѣднимъ годомъ земли и тверди: годомъ, когда явится предсказанный апостоломъ ангель и, ставъ одною стопою на сушѣ, другою па морѣ, поклянется Живущимъ во вѣки, что времени уже не будетъ.

Безъ числа ходили слухи о чудесахъ и знаменіяхъ. Въ Кременѣ видѣли, на закатѣ, въ облакахъ двухъ огненныхъ воиновъ, по виду сарациновъ, въ бою между собою. Въ Нантѣ овца растерзала волка. Жители Авиньона в теченіе трехъ часовъ слышали великій воздушный шумъ — ярые голоса невидимыхъ ратей и звонъ оружія. Въ самомъ Римѣ прекрасная принцесса Джеронима Альдобранди, скончавшаяся отъ изнурительной лихорадки, очнулась, къ радости родныхъ, на третій день отъ смертнаго сна, встала изъ гроба и пошла, славя Бога, слушать мессу, заказанную за ея упокой. Къ страхамъ вымышленнымъ присоединялись страхи дѣйствительные. Землетрясеніе неутомимою волною перекатывалось по тремъ полуостровамъ Средиземнаго моря, чума бродила по Ломбардіи и Провансу, норманы неистовствовали на Западѣ, мусульмане напирали на Европу съ востока и юга. На сѣверо-востокѣ нарождались славянскія государства, еще невѣдомыя, но слышно, что могучія, страшныя, грозныя. Отъ Атлантическаго океана до Волги все бродило, какъ въ мѣхѣ съ мододымъ виномъ. Что-то зрѣло въ воздухѣ, и народамъ, удрученнымъ переживаніемъ этого броженія, думалось, что зрѣетъ недоброе. Для людей, суевѣрныхъ и утомленныхъ тяжелыми временами, вѣсть о свѣтопреставленіи была сигналомъ потерять голову и превратиться въ пораженное паникой стадо.

Одни готовили себя къ переходу въ лучшій міръ молитвами, вступали въ монастыри, бѣжали въ пустыни, горныя пещеры и, въ аскетическихъ трудахъ, подъ власяницами, ждали судной трубы архангела. Другіе, хотя увѣренные въ неперемѣнномъ разрушеніи вселенной, все-таки находили нужнымъ зачѣмъ-то составить духовныя завѣщанія. Третьи, наконецъ, впадали въ свирѣпое отчаяніе и убивали остатокъ жизни на пьянство, развратъ, преступленія. Никогда еще Европа не молилась и не грѣшила съ большимъ усердіемъ. Боязнь ожидаемаго переворота была такъ велика, что многіе предпочитали кончить жизнь самоубійствомъ, лишь бы не быть свидѣтелями наступающихъ ужасовъ Божьяго гнѣва. Равнодушныхъ было очень мало, невѣрующихъ презирали и ненавидѣли; за сомнѣніе въ состоявшемся уже, по слухамъ, пришествіи антихриста по-

бивали камнями. Фанатики клятвенно увѣряли, будто антихристъ не только родился, но и воцарился и сидитъ на римскомъ престолѣ подъ видомъ папы-безбожника, ученаго чернокнижника Герберта — Сильвестра.

Въ такое-то время случилось на дикомъ горномъ пустырѣ, невдалекѣ отъ города Пизы, странное происшествіе, записанное въ монастырскихъ меморіалахъ подъ названіемъ: "Дивныя и пречудныя приключенія Николая Флореаса, уроженца славнаго города Камайоре, оружейныхъ дѣлъ мастера и нѣкогда добраго хрстіанина".

Николай Флореасъ былъ молодъ и красивъ собою. Оружейное ремесло закалило его силы, развило ловкость; частое общеніе съ людьми благороднаго происхожденія усвоило Флореасу привычки, видъ и обращеніе его знатныхъ заказчиковъ и покупателей. Женщины говорили, что нѣтъ въ Камайоре мужчины, болѣе достойнаго любви, чѣмъ Николай Флореасъ, даже и между рыцарями герцогскаго двора. Если бы Флореасъ жилъ во Флоренціи, Пизѣ или Сьеннѣ, онъ, но талантамъ своимъ, навѣрное сдѣлался бы однимъ изъ народныхъ вождей, какихъ такъ много создавали гражданскія междоусобія средневѣковой Италіи. Они выходили изъ низшихъ общественныхъ слоевъ, какъ Сфорца и Медичи, чтобы потомъ лѣзъ на пятьсотъ протянуть свою родословную, полную блистательныхъ именъ и громкихъ подвиговъ. Но Николай Флореасъ былъ обывателемъ Камайоре, глухаго горнаго городка, гдѣ горожане жили мирно, не дѣлясь на политическія партіи. Сверхъ того, онъ былъ, человѣкъ скромный, хотя рѣшительный и способный. Какъ большинство оружейниковъ, онъ зналъ грамоту. Онъ сочинялъ сонеты и игралъ на лютнѣ.

Въ одинъ лѣтній день Николай Флореасъ окончилъ кольчатую броню, заказанную ему начальникомъ наемниковъ пизанской цитадели, длинноусымъ норманомъ Гвальтье. Взваливъ свою ношу на осла, мастеръ, въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ подмастерьевъ, направился изъ Камайоре горами въ Пизу. Лѣтняя ночь застала Флореаса въ дорогѣ. Она упала сразу, черная и глухая; на аспидномъ небѣ зажглись громадныя звѣзды и огненный столпъ кометы. Напрасно было бы въ то дикое, разбойничье время трубить ночью у воротъ какого-либо городка или замка. Отвѣтомъ пришельцу свистнула бы туча стрѣлъ, — и только. Средневѣковое гостепріимство кончалось съ закатомъ солнца. Пришлецъ былъ другомъ, когда приходилъ при солнечномъ сіяніи, и врагомъ послѣ того, какъ замыкались рогатки, и поднимались мосты со рвовъ, наполненныхъ водою. Флореасъ и его спутники заночевали наперепутьи, у костра, разложеннаго у ногъ каменной Мадонны. Боясь ночнаго нападенія, путники рѣшили спать по очереди. Двое, по жребію, спали съ оружіемъ въ рукахъ, а одинъ бодрствовалъ на стражѣ. Первый жребій не спать выпалъ самому Флореасу.

Прислонясь къ обломку скалы, онъ безпечно наблюдалъ медленный токъ свѣтилъ по небеснымъ кругамъ. Пламя костра играло на его лицѣ красными лучами. Развѣяченный осель бродилъ, не отходя далеко отъ стана, на подножномъ корму. Флореасъ слушалъ звуки горной ночи. Имъ овладѣло трогательное настроеніе, въ какое повергаетъ всѣхъ впечатлительныхъ людей торжественная тишь спящей пустыни. Но вотъ внезапно среди величественнаго безмолвія раздался странный звукъ.словно кто нибудь коротко взялъ аккордъ на церковномъ органѣ, — взялъ и бросилъ. Звукъ рванулся въ воздухъ и сейчасъ же заглохъ. Точно кто-то зарыдалъ было, но, устыдившись своей слабости, задавилъ рыданіе. Николай Флореасъ осмотрѣлся. Онъ не понималъ, ни что это за звукъ, ни откуда онъ прилетѣлъ. Такъ какъ звукъ не повторялся, Флореасъ рѣшилъ, что, вѣроятно, онъ задремалъ, и, въ дремѣ, обманутыя чувства создали изъ обычныхъ звуковъ ночи этотъ загадочный аккордъ. Но, когда онъ, совсѣмъ успокоенный, опять прилегъ къ костру, звукъ снова задрожалъ въ воздухѣ и — уже яснѣе и болѣе продолжительно, чѣмъ въ первый разъ: какъ будто сразу заплѣло нѣсколько арфъ подъ перстами искус-